

Мокренко Аи.

9/88

Правда Украины
г. Киев

9 МАИ 1988

НЕТ, Я НЕ СТАНУ утверждать, что для меня не имеет значения моя принадлежность к украинскому народу — это для меня так же свято, как мать, родившая меня, и как земля, на которой я вырос. На свете много людей, но родная мать — одна. Много на свете народов, но родной, кровный — один.

Речь, однако, не об исключительности. Речь о близости.

С огромной теплотой всегда вспоминаю семью московского композитора Алексея Гургеновича Экимяна, армянина по национальности. Он написал песню «Кунак». Это песня о настоящей дружбе. А написана она на стихи другого очень уважаемого мною человека, с которым в своем доме и познакомил меня композитор — дагестанского поэта Расула Гамзатова.

В московской квартире Экимянов на Суворовском бульваре, кроме гостеприимства хозяев, меня всегда пленяла какая-то особая атмосфера деликатных, красивых отношений. Жена Алексея Гургеновича — милая русская женщина. Взаимная любовь и взаимное — в том числе и тончайшее национальное — уважение пронизывали все в их доме. Откроешь дверь — и видишь Арарат во всю стену, выложенную настоящим розовым армянским туфом, а на фоне Арарата несется во весь опор четверка львиц с Музой на колеснице — армянская чеканка.

— Хочу, чтобы у подножия Арарата, — вот здесь, — был из туфа чистый ключ... Как это сделать? Я уже продумал. Будет красиво...

Во время таких разговоров Валентина Михайловна нежно и чуть снисходительно смотрела на мужа.

Не раз я бывал в этой семье и знаю, как искренне и глубоко полюбила Валентина Михайловна Армению, ее народ, ее древнюю культуру. Об Армении она говорила восторженно. А Алексей Гургенович писал песни не только на слова армянских поэтов, но и русских. И украинский тоже. Да, и украинский! И изучал в связи с этим украинский язык.

— А ну-ка, послушайте, я правильно произношу? — бормотал он.

Мы познакомились примерно двенадцать-тринадцать лет назад на Центральном телевидении. Он пожелал со мной познакомиться. А несколько позже высказал сокровенное:

— Я всегда ношу в душе чувство неоплаченного долга перед Украиной.

И рассказал, как в трудное послевоенное время подростком попал на Украину и как тогда его обогрели, приласкали мои земляки.

— С тех пор я думаю, как и чем выразить Украине свою любовь и благодарность. Когда носил генеральские погоны, это было сложно. А сейчас... Вот решил написать несколько песен на стихи украинских поэтов. Первая ласточка — «Сонячний дощ» на слова киевлянина Юрия Рыбчинского. Экимян попросил меня записать эту песню. Так началась наша творческая дружба.

Насчет погонов поясню: Алексей Гургенович в 37 лет стал генералом внутренних войск, но из-за болезни рано вышел в отставку. Имея музыкальное образование и талант, обрел радость композиторского творчества, и его песни полюбили люди.

Не раз он бывал моим гостем в Киеве. Был дружен и с Дмитрием Гнатюком. Гнатюк пел его «Кунака», пел и его украинские песни — о матери, о земле.

Да, успел Алексей Гургенович поблагодарить Украину песнями. Но не успел сделать всего, что задумал. Несколько

лет назад он ушел в нашу память.

И вот, вспоминая его, я думаю о том, какими естественными и радостными могут быть межнациональные отношения людей. Настоящая любовь к своему народу рождает неподдельное уважение к другому. Человек, по-настоящему любящий свою мать, всегда позаботится о чужой матери. Интернациональные связи имеют не бумажную, а человеческую, живую основу.

ДВЕ ПЕСНИ: «С чего начинается Родина» и «Наш адрес — не дом и не улица...». Текст последней меня корбит. Ну, какая мать согласится, чтобы сыновья и дочери писали ей не на дом и не на улицу! Поэтическое обобщение? Если так, то неудачное. И даже вредное. Уважения к человеку не чувствуется. Бодрчество, показуха и т. п. — то, чем мы стали так «богаты» за период застоя.

Помню, сразу после войны в моем классе (а учился я в

оперы. Вспоминается такой эпизод... Иду по центральной улице, а навстречу немолодой грузин с мальчишкой, должно быть с внуком.

— Гиви, — вдруг слышу я, — ты видишь, кто перед тобой? — и указывает на меня. Мальчик взглянул на меня:

— Это Мурман!

Я был счастлив, что вошел в духовную жизнь того мальчика — хоть на время.

А сколько я и мои коллеги в те дни узнали о Грузии, о традициях народа. И как щедро мы были одарены дружбой! Мы не декларировали дружбу, а служили ей делом, своей душой.

В грузинских народных песнях я искал музыкальные интонации для воплощения своего Мурмана.

— Вы ходите на сцене, как настоящий грузин! — сказал мне тогда оперный критик Антон Пулукидзе. И, признаюсь, мне было приятно услышать, что я усвоил походку грузина. (Возможно, я усвоил ее еще

шего общего корня. Пояснить не могу, но волнует она меня подчас до слез...

А пояснять мне и не надо было. Я давно уже пою белорусские песни, добираясь в родственном языке до чего-то, что не высказать словами. Этого же добивался я, когда в студенческой самостоятельности пел песни на эстонском и латышском языках, стоя плечом к плечу с молодыми прибалтами в многотысячных хорах на певческих полях Таллина, Тарту, Риги.

Ту же радость постижения музыки другого языка (а значит и нюансов души народонадателя) почувствовали мы, группа солистов Киевской оперы, на гастролях в Уфе по случаю 40-летия Победы. Напомню: наш театр во время Отечественной войны находился в Уфе. Так вот, в 1985-м мы поехали в Башкирский драматический театр и, разместившись в креслах, недели наущники. Слушая музыку башкирской речи на сцене, мы постигали содержание через русский перевод. Эти наушники нас приятно поразили: деталь, говорившая об уважении и к нам, украинцам, и ко всем инуюзычным в зале.

Есть у меня друг — народный артист СССР Игорь Лученко, известный белорусский композитор и общественный деятель. С его помощью я познакомился со многими деятелями белорусской культуры, ощутив их проблемы и заботы своими. А с ним самим познакомился, кстати, на Кубе. Это было почти два десятка лет назад: в составе делегации ЦК ВЛКСМ мы — вместе с молодыми кубинцами — в жуткой жаре рубили на сафре сахарный тростник, строили дома в пригороде Гаваны. И пели песни.

Я пою на белорусском языке несколько песен Лученка. И мне не надо было специально что-то учить, когда в дни празднования 1500-летия Киева я пел в концертном зале «Украина» свой сольный концерт, составленный из украинских, русских и белорусских песен. Познавая это троязычие, познаешь Русь.

К слову, Игорь Михайлович прислал мне и несколько белорусских народных песен. Их пою не только я, но и мои студенты в консерватории. Эти песни стали нам родными.

На столе — письма Игоря Лученка. Он пишет мне по-белорусски, а я ему — по-украински. Аромат языка неизясним, как аромат фиалки.

Несколько лет тому назад в нашей шевченковской труппе стажировался молодой дирижер-узбек Фозилдин Якубжанов. Ныне он главный дирижер Самаркандского театра оперы и балета. Помню, как он старательно учился произносить украинские слова. Недавно он был на Украине, и мы обнялись как родные братья.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ — это радость. Радость общения, радость познания. В народе всегда жила и живет особая деликатность и особое внимание к инонациональному человеку. А бюрократы-усреднители, интересовавшиеся только пресловутым человеческим «валом», поразитили эту деликатность, это внимание. Под одну гребенку, ведь проще. Заелозив прекрасное понятие интернационализма, они стали опасливо коситься даже на святое понятие патриотизма — не абстрактного, не усредненного, а от отца-матери.

Чем больше в душе святого, тем мощнее ее созидательная сила. Знание интернационализма вырастает на опорах патриотизма, не иначе. А опоры эти — живые сердца.

Анатолий МОКРЕНКО.

ГОЛОС СЕРДЦА

Народный артист СССР Анатолий Мокренко размышляет о корнях советского братства, о языке другого народа, укрепляющего чувство семьи единой

сельской школе) появились двое новеньких — мальчик и девочка. Из России. Как все мы, они изучали и украинский и русский языки. Они помогали кое-кому из нас в русском, мы им — в украинском. Олег Левинов был моим другом. Сейчас он живет в Ленинграде, приходил там на мои концерты. Село мое и наша детская дружба вошли в его жизнь навсегда. Не знаю, случилось бы это, если бы он в моей школе пользовался какими-нибудь привилегиями — например, если бы он был «освобожден» от украинского языка... Сейчас это делают, но позволяют себе усомниться в воспитательной целесообразности этой дозволенности, тем более, что она не соответствует ленинским нормам.

С моей точки зрения, межнациональные отношения несут огромный воспитательный потенциал. Духовное взаимообогащение рождает взаимное уважение.

Будучи студентом политехнического института, жил я одно время в комнате общежития с татаринком по фамилии Субеханколов. Почерпнул от него массу интересных сведений из жизни и традиций татар. А сколько нового я узнал и познал, работая геологом в Северной Осетии!

Позже я стал лауреатом Государственной премии Грузинской ССР имени Захария Палиашвили — основоположника грузинской оперной музыки — за исполнение партии Мурмана в опере Палиашвили «Абесалом и Этери» по одноименному грузинскому национальному эпосу. Спектакль был поставлен на киевской оперной сцене и так поразили грузин, что их восхищению и благодарности воистину не было границ. Спектакль многократно повторялся по телевидению в Грузии.

А венцом абесаламовской эпопеи было выступление киевских солистов (1973-й год) в том же спектакле тбилисской

тогда, когда работал геологом на Кавказе?).

Забыл сказать, что тогда же в Тбилиси была поставлена украинская опера «Тарас Бульба» Микола Лысенко. Так что я пел на грузинской сцене не только Мурмана, но и Остапа. Пел рядом с грузинскими певцами.

А недавно мне довелось петь на грузинском — с легкой руки живущего в Киеве Рауля Шалвовича Чилачавы... Выпускник филологического факультета Киевского университета, тбилисец стал киевлянином и, в совершенстве изучив украинский язык и украинскую литературу, ведет большую переводческую работу в культурном наследии двух народов. Кстати, он хороший двуязычный поэт. И вот недавно композитор Борис Бувеский предложил мне записать на радио свою песню на стихи нашего грузинского собрата. Половину песни я пел на украинском, а половину — на грузинском.

Входя в другой язык, познаешь — может быть, на уровне интуиции — что-то сокровенное в другом народе, познаешь музыку его души. И мне совершенно непонятно упрямое нежелание некоторых людей, находящихся какое-то время в другой республике (а тем более проживающих в ней), изучить, постигнуть хоть в какой-то мере ее язык. Такие люди кажутся мне не просто нелюбознательными, но и неуважительными по отношению к другому народу. Могут ли они посеять в душах своих детей прекрасное чувство братства?

У ТОГО ЖЕ Бориса Бувеского на пиюитре рояля я как-то увидел томик стихов белорусских поэтов на их родном языке. Борис пояснил, что пишет на эти стихи музыку.

— Люблю белорусскую речь... — говорил он. — Люблю за мягкость, «дитинність». Что-то доносит она мне из далеких веков формирования на-